

Страна «Колония»

Ежегодно сотни ходатайств поступают в комиссию по помилованию. 10 сентября в колонии № 8 состоялось очередное заседание комиссии. Свои ходатайства о снисхождении прислали 26 заключенных. Ни одно не заставило членов комиссии принять положительное решение. Для каждого из заключенных это уже не первый срок

Казнить нельзя помиловать

— Комиссия по помилованию создана в Ярославской области в феврале 2002 года, — сообщил ее председатель Михаил Соловьев. — За это время было рассмотрено более тысячи материалов, президент удовлетворил двенадцать ходатайств. В основном это легкие и средней тяжести преступления. Но было в нашей практике даже помилование за госизмену, правда, в отношении другого государства.

Как раз тот «госизменник» и стал последним среди тех, кто в Ярославской области получил помилование. И было это три года назад.

В комиссии по помилованию 18 членов. Две трети — представители общественности. А значит, они, как присяжные в суде, должны сердцем, эмоциями, интуицией и просто знанием жизни оценить, заслуживает ли осужденный снисхождения. Члены комиссии, принимая решение, смотрят, раскаялся ли заключенный, есть ли у него намерение трудоустроиться, начать честную жизнь, есть ли у него семья, в каком она находится положении.

— Принимать решение о судьбе заключенного — это большая ответственность. С одной стороны, хочется дать человеку шанс начать новую жизнь. С другой — мы понимаем, что из-за нашего решения преступник, оказавшись на свободе, может совершить новое преступление, — размышляет одна из членов комиссии.

Комиссия главным образом рассматривает документы. 90 процентов подавших ходатайства сидят по статьям, связанным с оборотом наркотиков. Но есть и те, кто отбывает наказание за убийство. 10 сентября лично обратиться к комиссии смогли два заключенных колонии № 8. Еще один, из угличской колонии, прислал видеобращение. Это новая форма, которая позволяет осужденным из других колоний донести до комиссии свои слова. В помиловании ему отказали.

Второй — Константин Хамушков, отбывающий наказание по статье, связанной с оборотом наркотиков, присутствовал на заседании.

— У меня большой ребенок, — объясняет он причины, по которым направил ходатайство о помиловании. — Отец остался без средств к существованию. Надо помогать семье. С наркотиками завязал. Работы не боюсь, у меня несколько специальностей.

Однако биография Константина свидетельствует об обратном: не ценит он доброго к себе отношения. Это уже не первый и даже не второй срок. Раньше ему доводилось выходить по УДО. Где гарантия, что после помилования он не вернется на четвертый срок? Комиссия отказывает и ему.

Как подчеркнул заместитель начальника УФСИН по Ярославской области Александр Степанищев, любой осужденный имеет право ходатайствовать о помиловании. Процедура направления ходатайств разъясняется сотрудниками учреждений УФСИН, информация есть и в отрядах, где живут осужденные. Через год после отказа заключенный может снова направлять ходатайство. Попутно он может просить и о других мерах — об условно-досрочном освобождении, об изменении вида исправительного учреждения, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Государство в государстве

Это определение дал заместитель начальника колонии № 8 Александр Дьячков, показывая журналистам колонию.

Сравнение ну очень точное. Здесь и правда свое государство. Можно даже сказать — государство авторитарное. «Государственная граница» представляет собой высокий бетонный забор с колючей проволокой наверху и наблюдательскими вышками. За забором — демаркационная зона с ежедневно разравниваемым песочком. Ни один лазутчик не проберется!

— У нас все свое. Свой электрогенератор, своя скважина, своя пожарная часть, свой храм. Мы вполне можем жить автономно, — продолжает свой рассказ Александр Дьячков.

Можно даже добавить — свое правительство в лице сотрудников колонии. И свое население в лице заключенных.

Куда пойти учиться

В силу специфики новые граждане колонии «рождаются» уже взрослыми — с жизненным опытом, своими представлениями и статьей. После пребывания в карантине, где с ними беседуют психологи, врачи и прочие специалисты, заключенный попадает в «коллектив» — один из отрядов. Но, как и в обычной жизни, жизнь в колонии начинается с получения образования.

До всеобщего здесь далеко. В конце концов, люди тут взрослые, а значит, обеспечить обязательное получение осужденными, не достигшими возраста 30 лет, общего образования нельзя. Кроме того, в ИК организуется обязательное профессиональное обучение или среднее профессиональное образование осужденных, не имеющих профессии. Не хочет человек учиться, так что ж... Но послаблений режима ему не будет. Те же, кто желает овладеть новой профессией, идут в ПУ. Здесь огромный перечень востребованных специальностей. Хочешь — учишься на повара, хочешь — на столяра, хочешь — на автомеханика. По окончании даже диплом образца получишь.

В большинстве классов безлюдно. Но в некоторых вполне взрослые дяди в одинаковых бушлатах что-то старательно выводят в тетрадках под руководством учителей. Учат по старинке, зато надежно и практично.

А вот работающих в колонии все-таки больше. Трудятся в бане, прачечной, парикмахерской, столовой. Кстати, говорят, неплохо!

Сегодня в колонии кабачки с рыбой. Несколько поваров готовят на всех заключенных — это порядка 700 — 800 человек. Справляются легко. Оборудование на кухне самое обычное. Единственное отличие — ножи крепко пристегнуты цепью. Из соображений безопасности.

— Я решил здесь, в колонии, выучиться на повара. А что, профессия неплохая, — говорит Андрей Никитин. Его руки, татуированные куполами с крестами, ловко управляют с кухонной утварью. — Когда освобожусь, поваром работать не собираюсь. У меня другая профессия — я водитель.

Цеха на «промке»

«Промкой» здесь называют промышленное производство. Находится оно, как и положено промзоне, на отдельной территории, правда, тоже в «колониально-государстве». Попасть сюда уже большое достижение. Те, кто работает на «промке», пользуются преференциями. Работа в стенах исправительного учреждения учитывается при поощрении осужденных и при определении степени их исправления. Им охотнее подписывают документы на УДО.

Александр Дьячков проводит журналистов вдоль кирпичных зданий постройки первой половины прошлого века. Какие-то сейчас пустуют, какие-то уже приспособили под нужды современной экономики. В одном из таких красных корпусов швейный цех.

На первом этаже «швей» проще. Здесь выпускают спецовки для отечественных нефтяных госкорпораций, о чем красноречиво свидетельствуют логотипы на готовой продукции. А также костюмы рыбаков, уже без логотипов, но хорошо знакомые нашим любителям посидеть с удочкой хоть зимой, хоть летом.

А вот на втором этаже практически цех по пошиву «прета-порте». По звонку дверь открывает хрупкая девушка. Она одна руководит огромным цехом. Мужики ловко строчат отдельные заготовки, и на выходе получается ну очень приличный дамский пуховик. Такие в наших магазинах тысяч по 10 — 15 продают. Строчка ровная, идеальная, все прошито качественно. Скажешь, что привез из Италии, — поверить можно.

— Эти пуховики в Москву на продажу отправят. В ГУМ, — говорит Александр Степанищев. Шутит или нет замначальника УФСИН, непонятно — по качеству продукции вполне возможно. Но то, что продукцию ярославских эков могут продавать в самом дорогом и элитном торговом центре страны, в голове не укладывается.

Подбор осужденных для работы на производстве начинается с карантина.

— Я сама отбираю заключенных для этой работы, мне нужно качество. И, конечно, контролирую их, — говорит хрупкая девушка. В ее планах — расширение ассортимента.

Одежда — не единственная продукция, которую «экспортирует» колония на волю. Еще в одном здании расположен деревообрабатывающий цех. Современное оборудование позволяет изготавливать колодцы, туалетные домики, беседки для дачи. Такое строение станет украшением любого участка, будь то шесть соток или барская усадьба.

Часть «промки» отдана под сельхозпроизводство. Здесь организован полный цикл производства свинины: поросята тут рождаются, подрастают до нужной кондиции и отправляются в убойный цех. Часть мяса идет на стол заключенным, часть покупают сотрудники колонии по доступной цене. Кто знает, может, в скором будущем и на наших «вольных» рынках появятся мясные колбасы из свинины из «мест не столь отдаленных».

Территория «промки» огромная, освоена лишь незначительная ее часть. Дьячков рассказывает о дальнейших планах роста экономики в отдельно взятом «государстве-колонии». Там планируется одно производство, там он хочет запустить другое. Что-то можно использовать внутри ИК, что-то продавать «на волю». Точную цифру оборота производства «промки» он не говорит. Но уже из прозвучавших по отдельным направлениям цифр становится ясно, что они складываются в миллионный оборот. И перспективы к дальнейшему «экономическому чуду» вполне реальны — и по количеству рабсилы, и по территории.

Заключенные за свой труд получают зарплату, на жизнь в колонии вполне хватает: на печенье, которое продается в магазине колонии, или на огурцы, выращенные в своих же теплицах.

...И все же, несмотря на четко организованную жизнь и возможность найти себя в труде, заключенные продолжают писать ходатайства об УДО и помиловании. Кто знает, может, кому-то из них удастся убедить комиссию, что он уже сейчас достоин покинуть «колонию-государство».

Ольга СКРОБИНА

